

Так продолжалось до самой вечерни, и ни один из тех, кто там был, не мог сказать, который возьмет верх в поединке. Доспехи на них были все иссечены, так что просвечивали голые бока, и другие части тела были у них обнажены, но нагие места защищали они оружием от ударов. Красный Рыцарь был в бою хитер, и это научило сэра Бомейна уму-разуму, но дорогой ценой заплатил он за такую науку.

Вечером согласились они оба на передышку и сели друг против друга тут же на двух невысоких кочках. Оба отстегнули и сняли шлемы, чтобы освежиться прохладным ветром, ибо их пажы постоянно находились поблизости, готовые по первому знаку снять с них доспехи или же снова надеть, когда им прикажут. Когда же, обнажив голову, сэр Бомейн обратил взор вверх, к тому окну, он увидел в нем прекрасную даму Лионессу, и она так на него посмотрела, что вновь стало у него на сердце радостно и легко. И тогда призвал он Красного Рыцаря Красного Поля снова готовиться к бою.

– И будем мы биться до последнего!

– С превеликой охотой, – отвечал рыцарь.

Вот опять пристегнули они свои шлемы, отослали прочь пажей и, сойдясь, стали рубиться снова. Но Красный Рыцарь Красного Поля выждал и налетел на него сбоку и поранил ему ладонь, так что выпал у него меч из руки. Тут нанес он ему и второй удар – по шлему, и упал Бомейн ничком на землю, а Красный Рыцарь навалился на него сверху, чтобы не дать ему подняться.

И тогда вскричала громким голосом девица Лионетта:

– О, сэр Бомейн! Где же твоя храбрость? Увы! Госпожа моя сестра глядит на тебя, и она так плачет и рыдает, что при виде ее у меня разрывается сердце.

Услыхал сэр Бомейн такие ее речи, он собрал всю свою могучую силу, вскочил на ноги, проворно прыгнул к своему мечу, схватил его, сжал в руке и, повернувшись, бросился на красного Рыцаря, и возобновили они свой смертный бой.

Но теперь сэр Бомейн удвоил силу своих ударов, он осыпал того ударами, так что выпустил Красный Рыцарь свой острый меч. Тут ударил его Бомейн по шлему, и упал тот на землю, а сэр Бомейн навалился на него сверху и, отстегнув ему шлем, хотел уже его убить. И тогда признал тот свое поражение и стал просить пощады, громким голосом говоря:

– О благородный рыцарь, я сдаюсь на твое милосердие!

Но сэр Бомейн вспомнил всех тех рыцарей, что были им позорно повешены, и сказал:

– Честь моя не позволяет мне сохранить тебе жизнь, потому что ты обрек позорной смерти стольких благородных рыцарей.

– Сэр, – промолвил Красный Рыцарь, – опустите ваш меч – и вы узнаете причину, по какой я обрек их всех позорной смерти.

– Говори! – сказал сэр Бомейн.

– Сэр, некогда я любил одну прекрасную даму, у которой были убиты братья, и она сказала мне, что их убил сэр Ланселот Озерный либо же сэр Гавейн, и молила меня во имя моей любви к ней, чтобы я поклялся ей своим рыцарским достоинством не складывать ни на день оружия, покуда не встретится мне один из них, и всякого, кого я одолею в бою, чтобы обрекал я на постыдную смерть. И я поклялся ей, что буду чинить позор и смерть рыцарям Артура и тем двоим отомщу. И еще, сэр, я сейчас открою вам, что каждый день до полудня сила моя возрастает в семь раз.

Между тем собрались туда многие графы, и бароны, и благородные рыцари и просили за того рыцаря, чтобы он сохранил ему жизнь и сделал его своим пленником. Они встали перед ним на колени и молили о пощаде.

– И право, сэр, – говорили все, – разумнее вам принять от него присягу на верность и служение и чтобы он держал свои земли от вас, чем убивать его, ибо от его смерти не будет вам никакого проку, а что он сотворил обид, того не изменишь. И потому пусть лучше он все обиды искупит, мы же станем вашими людьми и присягнем вам на верную службу.

– Любезные лорды, – отвечал Бомейн Прекрасные Руки, – знайте, что мне бы очень не хотелось убивать этого рыцаря, хоть он сотворил много зла и позора. Но поскольку все это он совершил по велению дамы, я виню его уж не так сильно, и ради вас я его согласен отпустить. Но жизнь ему будет сохранена лишь вот на каком условии: пусть он пойдет в замок и сдастся на милость его